

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д40

S. Jae-Jones
SHADOWSONG

This edition is published by arrangement with
Jill Grinberg Literary Management
and The Van Lear Agency LLC

Художественное оформление *Екатерины Фerez*

Перевод с английского *Юлии Капустюк*

Д40 **Джей-Джонс, С.**
Песнь теней: [роман] / С. Джей-Джонс; пер. с англ.
Ю. Капустюк — Москва: Издательство АСТ, 2019. —
448 с. — (Лучшее молодежное фэнтези).

ISBN 978-5-17-116110-1

Прошло полгода с тех пор, как Лизель вернулась из Подземного мира, но забыть юного, прекрасного, недоступного Короля гоблинов, разделившего с ней страсть душевную, телесную и музыкальную, девушке не удастся... Она старается не оглядываться назад и жить своей жизнью. Однако страшные события и тревога за брата вынуждают ее вновь искать ответы, ведущие в Подземелье.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-116110-1

SHADOWSONG © 2018 by S. Jae-Jones
© Ю. Капустюк, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящается чудовищам
и тем, кто нас любит*

*Когда уйду, не забывай меня,
Ушедшую в безмолвный мир иной.
Где не коснёшься ты меня рукой,
И не вернусь к тебе, как прежде, я.
Когда, в один погожий день, поймёшь,
Что будущего больше нет со мной,
Не забывай меня, любимый мой.
И знай, мольбой бывшего не вернёшь.*

*Быть может, ты забудешь обо мне,
А вспомнишь ненароком — не грусти.
Все злые мысли и дела прости.*

*Мне вспоминать о них безумно жаль.
Ты их забудь с улыбкой в тишине.
Не вспоминай и прочь гони печаль.*

Кристина Россетти.
«Помни»¹

---

¹ Перевод Валентина Савина.

Францу Йозефу Иоганну Готтлибу Фоглеру,
на адрес маэстро Антониуса в Париже

Мой дорогой Зефферль!

Говорят, в день, когда умер Моцарт, шел дождь.

Наверное, Господь оплакивает музыкантов в дни их похорон. Когда мы хоронили папу на церковном кладбище, дождь лил как из ведра. Священник прочел молитвы над телом папы с несвойственной ему быстротой; ему не терпелось скорее укрыться от дождя, грязи и слякоти. Помимо родных на похоронах присутствовали лишь папины приятели из таверны, которые немедленно ретировались, как только поняли, что никаких поминок не будет.

Где ты был, mein Brüderchen¹? Где ты сейчас?

Отец оставил нам богатое наследство, Зефф, состоящее, во-первых, из музыки, а во-вторых — из огромных долгов. Бесчисленное количество раз мы с мамой проверяли счета, пытались уязвить то, что мы должны, с тем, что можем заработать. Мы беремся, чтобы не опуститься на самое дно, стараемся удержаться на плаву.

---

¹ Братец мой (нем.). (Здесь и далее прим. перев.)

но гостиница медленно увлекает нас вниз, в забытьe. Наши запасы истощаются, как и деньги.

Но нам, по крайней мере, удалось наскрестить достаточно средств и похоронить папу на чистом участке на церковной земле. Папины кости, по крайней мере, будут покоиться рядом с его предками, а не попадут в нищенскую могилу за пределами города. По крайней мере, по крайней мере, по крайней мере.

Я бы очень хотела, чтобы ты был здесь, Зефф. Ты должен был быть здесь.

Почему ты молчишь?

Полгода прошло, а от тебя ни весточки. Неужели мои письма опаздывают и приходят по адресу, когда ты уже в другой гостинице, в другом городе, готовишься к следующему выступлению в рамках гастролей? Поэтому ты не ответил? Тебе известно, что папа умер? Что Кете порвала помолвку с Гансом? Что Констанца ведет себя все более странно и эксцентрично, что мама — мужественная, непоколебимая, несгибаемая мама — рыдает тайком, когда думает, что мы ее не видим? Или ты молчишь, чтобы наказать меня за те месяцы, что я провела вдали от тебя, в Подземном мире?

Любовь моя, мне очень жаль. Если бы я могла написать тысячу песен, тысячу слов, я бы в каждой песне, в каждом слове сказала тебе, как мне жаль, что я нарушила данное тебе обещание. Мы обещали друг другу, что расстояние нас не разлучит. Мы обещали писать друг другу. Мы обещали делиться друг с другом своей музыкой на дугах, чернилами и кровью. Я нару-

шила эти обещания. И надеюсь, что ты меня простишь. Мне столь многое нужно тебе рассказать, Зефф. Так много всего, что я хочу, чтобы ты услышал.

Пожалуйста, напиши как можно скорее. Мы по тебе скучаем. Мама скучает, Кете скучает, Констанца скучает, но больше всего по тебе скучаю я.

Твоя навеки любящая сестра,
автор «Эрлькёнига»

Францу Йозефу Иоганну Готтлибу Фоглеру,
по адресу маэстро Антониуса
Париж

Mein liebes Brüderchen!

Еще одна смерть, еще одни похороны, еще одни поминки. Фрау Берхтольд на прошлой неделе была найдена мертвой в своей постели с инеем на губах и серебристым шрамом поперек горла. Ты помнишь фрау Берхтольд, Зефф? Она вечно бранила нас за то, что мы развращаем хороших, добродязненных деревенских детей своими жуткими байками о Подземном мире.

И вот она умерла.

Она третья за этот месяц, кто ушел таким путем.

Мы все опасаемся чумы, но если это чума, то это эпидемия, какой мы еще не знали. Ни сыпи, ни синяков, никаких признаков болезни, никаких симптомов. Усопший выглядит целым и невредимым, как будто к нему не прикасались, если не считать серебристых отметин на губах и на шее. Они умирают ни с того ни с сего – и старые, и молодые, и мужчины,

---

¹ Мой любимый братец (нем.).

и женщины, здоровые и немощные, крепкие и слабые – умирают все.

Поэтому ты не пишешь? Ты здоров, цел и невредим? Ты вообще жив? Или следующее письмо с твоим именем разобьет нам сердце и заставит организовать еще одни похороны?

Городские старожилы дормочут себе под нос зловещие предзнаменования. «Заколдованные, – говорят они. – Помеченные гоблинами. Проделки дьявола. Запомните наши слова: быть беде».

Помеченные гоблинами. Серебро на шее. Иней на губах. Я не знаю, что все это значит. Когда-то я верила, что любви достаточно для того, чтобы мир продолжал вращаться. Достаточно, чтобы преодолеть Древние законы. Постепенно в нашей скучной, отсталой деревушке происходит гибель здравого смысла, неприятие просвещенной мысли и возвращение к забытым ритуалам. Я тому свидетельница. Соль на каждом пороге, перед каждой дверью. Даже старый пастор защитил ступени нашей церкви от зла, нанеся на них сплошные белые линии, стирающие, однако, границы между верой и суеверием.

От Констанцы никакого толку. Она в эти дни почти не разговаривает и совсем не похожа на ту бабушку, какая была у нас прежде. По правде говоря, она меня беспокоит. Констанца выходит из своих комнат очень редко, а когда выходит, мы не знаем, чего от нее ждать. Порой она присутствует в настоящем, все подмечает, раздражается и вспыхивает, как

раньше, но в другие дни кажется, будто она живет в другом году или даже другой эпохе.

Кете и я каждый вечер послушно оставляем поднос с едой перед ее комнатой, но каждое утро он остается нетронутым. Она может откусить кусочек хлеба или сыра, или оставить капли молока на полу, похожие на следы шагов феи, но, кажется, единственное, чем живет Констанца, – так это страхом и верой в Эрлькёнига.

Но чтобы продолжать жить, одной веры недостаточно.

Помешательство у нее в крови, как говорит мама. Мания и меланхолия.

Помешательство.

Мама говорит, что наш отец пил, чтобы прогнать своих демонов и заглушить бурю внутри. Его дедушка, отец Констанцы, тонул в этом водовороте. Поначалу папа тонул в выпивке. Я этого не понимала, пока демоны не появились у меня самой.

Иногда я боюсь, что водоворот внутри меня. Помешательство, мания, меланхолия. Музыка, волшебство, воспоминания. Вихрь, кружащийся вокруг правды, которую я не хочу признавать. Я не сплю, поскольку боюсь знаков и чудес, которые вижу при пробуждении. Колочие виноградные лозы ранят здоровые ветви, невидимые черные когти стучат и клацают, а на лепестках распускающегося цветка выступает кровь.

Как бы мне хотелось, чтобы ты был рядом. Тебе всегда удавалось направить мои блужда-

ющие, запутанные мысли и оформить дикие заросли, созданные моим воображением, в красивый, дивный сад. На моей душе лежит тень, Зефферль. Не только усопшие бывают помечены гоблинами.

Помоги мне, Зефф. Помоги разобраться в себе.

Всегда твоя,
автор «Эрлькёнига»